* * *

По огням, проплывающим мимо,
заливающим дол и холмы,
я спускался из Ершалаима,
из вечерней его кутерьмы.
Круто вниз, будто горным теченьем,
в тьму ущелья срывалась дорога.
Но бесстрашно хрустел я печеньем,
данным девочкой в городе Б-га.
Здесь пока всё чужое мне явно –
странны запахи, краски, слова
и ползущий по улице Яффо
серебристый звенящий трамвай.
Занесён обстоятельств стеченьем
в этот рай от родного порога,
я тоску выгрызаю печеньем,
данным девочкой в городе Б-га.
Ну да что там о грустном? Не будем.
Спрячем в памяти детства дворы.
Мир огромен. И добрые люди
всюду люди и всюду добры.
И какое имеет значенье,
кем отправлены мне на подмогу:
милость девочки, хрусткость печенья,
звон трамвайчика в городе Б-га?
Вот автобус спустился в долину,
и развеяли сумрак огни.

А над нами, над Ершалаимом
львиной гривой колышется нимб.
Все имеет своё назначенье.
Не случайны ни ночь, ни дорога.
Эта девочка, это печенье –
прикасания города Б-га.

* * *

День за днём, за ночью ночь
Время, знай себе, проходит.
Б-г со временем приходит,
нам пытается помочь.
В платье простеньком своём
он приходит с утешеньем,
но, средь быта мельтешенья,
Б-га мы не узнаём.
Быт рисует нам у глаз
прегрешенья ряд за рядом.
Б-г вздыхает: «Бога ради...»,
грустно глядя из угла,
как за сменой свето-тьмы
ничего не происходит.
Только Время зря проходит.
Только вслед проходим мы.

* * *

(Из цикла «Диалоги с самим собой»)

– Пора, мой друг, пора!
– По кой?
– А сердце просит.
Кривая непременно нас выносит, –
снега ли валят, палит ли жара.
Налево ли, направо, всё ль равно?
На то ведь и кривая, чтоб не прямо.
Куда бы ни торил ты путь упрямо,
придёшь туда, куда предрешено.
Да, – будет Свет. Но равно – будет Тьма.
Песок пустыни выжжет тундры снежность.
И рад понять бы эту неизбежность,
да, знать, она не моего ума.
Так что же остаётся мне? Творить,
коль создан был не тварью, а «подобьем».
И, даст Б-г, правнук, стоя над надгробьем,
найдёт за что потом благодарить.
...Но так глуха тоска хандры с утра,
так жалобно «покоя сердце просит»,
что мочи нет, как хочется, всё бросить
и выдохнуть: – Пора, мой друг, пора!

* * *

А мы с тобой с утра заварим крепкий кофе
и выйдем на балкон, спокойно покурить...

Людмила Ефремова

Мы смотрели с балкона на северных лиственниц золото,
выйдя с чашечкой кофе встречать занимавшийся день.
Мы курили и спорили: вéселы, дерзки и молоды.
И заглядывать в завтра нам было смешно, да и лень.
Мы любили друг друга! и ссорились до ненавиденья.
То грозились разводом, то строили планы на век.
Нас печатал журнал, приглашало к себе телевиденье.
И не мог огорчить даже углем пропитанный снег.
Вот таким было счастье – привычное и неприметное.
И совсем ведь недавно, всего лишь полжизни тому...
Б-г швырял нам под ноги года,
как богатства несметные,
но, кутя и транжиря, мы счёт не вели ничему.

...Я тебя на коляске ввожу на балкон с видом нá море.
Мы глядим, как светило над кромкою древней земли
кроет золотом город в охристом израильском мраморе
и, за прожитый день благодарные,
молим: «Продли!..»

* * *

Заходит солнышко моё.
За жизни край.
За кромку моря.
Свет в затуманившемся взоре
теплом уже не обдаёт.
Покуда не осознаёт,
не хочет разум, защищая,
и только сердце ощущает:
заходит Солнышко моё.

* * *

И вдруг я понял: милая уходит.
Не завтра, не когда-то – в эту ночь.
И все, кто в этом мире происходят,
не смогут ни утешить, ни помочь.
И всё, что в этом мире происходит, –
не важно, не существенно, – во вне.
Есть только ночь.
И милая уходит.
И прорастает пустота во мне...

Прощание с Иерусалимом

Ну вот я с тобой и прощаюсь,
Божественный Ершалаим.
Не часто тебя навещая,
я так и не смог стать твоим.
Но – шумен и неоднозначен –
ты был мне всегда по душе
и твой серебристый трамвайчик
забудется вряд ли уже.
И вряд ли забуду, как в арке
под тяжестью Яффских ворот
девчонка, играя на арфе,
о чём-то печальном поёт.
На Виа твоей Долороса,
не мог я осилить искус
представить, как битый и босый
тащил здесь свой крест Иисус.
Но чувствуя трепет подкожный,
я вдруг становился иным,
когда, вытесняя безбожность,
божественность шла из Стены.

О город Любви и Злодейства!
Ты сплёл в неразрывный узор
христианство, ислам, иудейство,
отзывчивость душ и террор.
Удастся ль когда примириться?
Быть Храму ль разрушенным вновь?..
Но мне в этом супе вариться,
как видно, уже не дано.
Сегодня мной был обнаружен
довольно печальный итог:
и я никому здесь не нужен;
и мне здесь не нужен никто.
Декабрьских дождей твоих сырость
заменит снежок на дворе...
Прости и прощай, Город мира!
Б-г знает, увидимся ль впредь...

Перед отлётом...

Пустынно в аэропорту.
Никто, представьте, не рыдает,
что я, Израиль покидая,
душой совсем «не среди тут».
Не среди тут, не среди здесь.
Хоть здесь был – деятель культуры,
а там – не потянул фактурой.
Но всё же взял да вышел весь
туда, где неба хмурый цвет,
где, говорят, живётся хуже

и затянуть ремень потуже
придётся на излёте лет.
Ну, – затяну. И что с того?
И не такое мог осилить.
Но ведь осилить средь России –
другой, поверьте, разговор.
Другой. И он давно не нов,
его не раз вели другие:
банально чувство ностальгии,
как равно – к родине любовь.
А всё ж то и другое – есть!
Теперь я это знаю точно.
И всё, что оставляю здесь, –
аэропорта многоточье...